

Маргарита
Южина

Хомут
да
Любовь

Маргарита Южина
Хомут да любовь
Серия «Ирония любви»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=249252

Южина М. Э. Хомут да любовь : Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-38580-5

Аннотация

Не стой на пути девушки, рвущейся к личному счастью. Уж лучше встретиться с разъяренным носорогом, мчащимся, задрав хвост, по африканской саванне или сесть голым задом на ошетинившегося колючками ежа. Ксюша еще не знала, во что ввязывается, когда попыталась встать между своей сестрой и ее давней и возвышенной любовью. Стремясь вернуть Даше душевный покой и сохранить ее семью, оказавшуюся на грани развала, Ксюша героически приняла удар на себя. Она справится. Главное – не сдавать своих позиций, закрыть глаза... и заорать: «Помогите!»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Маргарита Южина

Хомут да любовь

Глава 1

Не сотвори себе кумира!

Ей снилась выставка в лучшем столичном салоне. И не просто выставка, а показ лучших полотен известных художников-портретистов нашей современности! И кого на этих картинах только не было – все самые известные лица страны и зарубежья! Вот Максим Галкин в белом одеянии сияет ослепительной улыбкой в образе молодого графа – владельца замка в Грязях. А может, и не Грязи это вовсе, но очень похоже... Рядом портрет самой Примадонны с мудрой ироничной усмешкой, Алла изображена владычицей морскою, не иначе, – вон как кудри развеваются на фоне лазурного моря! И ярким пятном – Филипп Киркоров. Не поймешь – то ли в образе старинного боярина, то ли копия его современного фото?.. В бархатном камзоле Мартиросян, с каким-то свитком в руках, не иначе, советник государев... м-да, вот так... Кто-то особенно умный обрядил в парчу Мишу Галустяна... А вот Ургант... ну хорош, что тут скажешь... Вместе с Цекало на фоне ярких неоновых звезд, люди в черном. Хм...

почему в черном? Они вовсе даже не пасмурные люди... Потом чередой пошли политики, спортсмены, шоумены... Тут были и отдельные портреты, и семейные картины, и коллективами, и только она – Ксюша Марьина, которая столько лет грезила этой самой выставкой, – отчего-то представила на суд народа портрет костлявой длинной ноги во весь холст.

Она и во сне не знала, с чего это ей взбрело в голову так удивить любителей прекрасного, даже пыталась сорвать картину, но та держалась на стене прочно – насмерть! А возле ее полотна ходили серьезные люди, хмурили брови и цокали языками:

– Не хватает жизни... какая-то совсем протезная нога, ну хоть бы пальчиком пошевелила, что ли...

Ксюша от огорчения громко всхлипнула и проснулась.

– Вот идиотская нога... – тряхнула она головой. – И ведь все так славно закончилось! Все, завтра же устрою большой пир, позову Сидорова, а Аленке оторву башку! – И снова плюхнулась в подушку.

Ну не получалась у Ксюши эта нога, и хоть ты вой! А ведь казалось бы, выведенного яйца дело не стоит. Все началось с того, что один седенький дядечка Червяков заказал Ксении портрет своей милой крошки на пляже. Дядечка был стар и богат, а крошка молода и собою неотразима, поэтому заказ хорошо оплачивался, и Ксюша приступила к нему с рвением. Тем более что ничего необычного в этом не было, писать портреты на заказ – в том и заключалась ее работа. Нет,

она, конечно, грезила тем, что создаст когда-нибудь нетленку, о которой заговорят все, но... До великого пока не доходили руки, а кушать, черт возьми, хотелось. И кормили Ксюшу именно такие вот заказы. И заказ Червякова тоже. И она честно его выполнила – а чего не выполнить? Милая крошка оказалась банальна на лицо, имела стандартную фигуру, и таких портретов Ксюша уже наработала тучу. Все было бы замечательно, если бы к ней не заявила Аленка – подруга детства.

– Ты вот этот портрет продавать собралась? – ткнула она пальчиком в холст и скривила мордочку. – Неудачная получилась работа. Не греет.

Ксюша насторожилась.

– Это тебе не обогреватель, между прочим, – буркнула она. – И потом... с чего это она тебя греть должна? Эта девочка – новая любовница господина Червякова, он заказал портрет, пусть его и греет. Ты-то тут при чем?

– Нет, ну как же! – возмутилась Аленка. – Я – представитель народа. Ну ты же видишь, здесь совсем не хватает... жизни! Вот в этой ноге! Ну обрати внимание – совсем безжизненная ножка вышла! Ну ведь не бывает таких ног! Прямо какая-то... как у цапли! Длинная и тонкая! Нет, я тебе как потребитель смело заявляю – не греет! Не бывает в жизни таких длинных и прямых ног, хоть ты меня режь!

На Аленку надо было плюнуть, да и дело с концом, но Ксюша вдруг приняла этот бред близко к сердцу и целую

неделю потратила на эту растреклятую ногу! Пыталась, что называется, вдохнуть жизнь. А жизнь в ногу не вдыхалась. А господин Червяков звонил ежедневно. В конце концов Ксюша сегодня утром всучила ему картину с безжизненной конечностью. Да черт возьми, ноги не главное! Вон у этой крошки какая грудь – столько жизни! И в талии... Опять же пирсинг в пупке вышел изумительно, чего еще надо-то? Червяков же, увидев портрет молодой любовницы, и вовсе пришел в восторг неопиcуемый. Полчаса, растопылив ручки, порхал возле полотна, закатывал глазки к люстре и протяжно, по-слоновьи, стонал от восхищения. В конце концов даже накинул еще несколько купюр за изумительный шедевр, быстро свернул заказ и унесся, позабыв попрощаться. И все! Все довольны! Завтра Ксюша устроит у себя небольшой праздник – приезжает Сидоров, любимый человек как-никак, все забудется, и никто даже не заметил, что в какой-то ноге не хватает такой мелочи, как жизнь...

И можно бы успокоиться, а вот во сне привиделось, надо же...

Ксюша еще раз взбила подушку и уже задремала, когда в прихожей вдруг раздался шум. Послышалось чириканье ключа и какие-то глухие звуки, а потом звонкий голос родной сестрички окончательно выкинул Ксению с постели.

– Ксюшка-а-а-а!!! Это я! Твой котик! Беги скорее радоваться! – кричала сестрица, с грохотом скидывая обувь. – Твой котик ушел от мужа и будет у тебя жи-и-ить!

Ксюша чуть не взывала в голос – «котик» уходил от мужа каждые полгода, переселялся к Ксюше, и для последней начинался ад.

– Даша, ну что опять случилось? – выползла хозяйка квартиры в прихожую. – Ну зачем ты оставила своего бедного мужа? Аркаша сейчас наверняка все вены себе перегрыз – так страдает!

– Нет, ни фига он не страдает. Он спит, времени-то уже третий час ночи! – со вздохом сообщила Даша и пнула толстый чемодан, с которым притащилась. – Он спит, а я... Я вот так сидела дома, сидела, и вдруг меня озарило! Я просто не могу больше его обманывать! Я обязана быть честной! Аркадий же не виноват, что я его не люблю, и зачем из него делать благородного рогатого оленя? Я не могу оскорбить его изменой, хочу быть чистой!

Сестра уверенно прошла на кухню, ткнула в кнопку чайника и уселась за стол с возвышенно-разнесчастным видом.

– Я ему решила все рассказать, – скорбно сообщила она. – Только он спал... И потом... надо уже определяться – бросать мужа и уходить к Эдварду или... или умереть!

Дальше последовал тяжкий вздох, глаза сестрицы затуманились слезой, а пальцы стали выстукивать по столу нервную дробь – умирать совсем не хотелось, это как-то случайно вырывалось.

Сонная Ксюша только кивала, хлопала глазами и проклинала в душе этого Эдварда с его дурманящей красотой, из-

вестностью, обаянием и прочими регалиями. Кивала и хорила все мечты о завтрашней вечеринке – теперь все время, пока Дашка будет жить здесь, на Ксюшу налагался траур. Сестру надо было успокаивать, уговаривать и лечить от неразделенной любви.

Эта семейная трагедия началась много лет назад, еще когда Даше было одиннадцать лет. Именно тогда мамочке придумалось отправить дочурку в пионерский лагерь. Там-то Дашу и посетила первая любовь. Мальчик был очень спортивен, красив, являлся любимчиком у всех воспитателей и носил звонкое имя – Эдвард Соболев! Все девочки отряда просто сходили с ума от такого красавца, а того, кроме спорта, ничего не интересовало. И это добавляло ему еще больше очарования.

Вернувшись домой, Даша ревела ровно полтора месяца от разлуки с любимым, но к первому сентября мамочке все же удалось вылечить любовь дочурки с помощью томатного сока, конфет «Белочка» и мороженого. Однако эта первая страсть бесследно не исчезла. Уже будучи взросленькой, Даша как-то щелкала пультом телевизора, и вдруг стены дома сотряслись от ее вопля:

– Мама-а-а-а!! Папа-а-а-а! Ксюшка! Ну где вы там?! Скорее сюда! Ну скорее же!!!

Вся семья с топотом кинулась к телевизору, а Даша взахлеб верещала:

– Ну смотрите же! Это он – Соболев!!! Эдвард!! Ну вы чего

– не помните?! Мы с ним вместе в лагере были!!!

На экране показывали Олимпиаду, и нашу большую страну представлял молоденький паренек родом из их небольшого города.

– Ну а чего это на нем? Хоть бы снял это... как его... забрало... – нервничал отец, прилипая к экрану.

– Володя! Ну какое ж это тебе забрало, это ж каска! – поучала мамочка отца.

– Мама!!! Это шлем!! – дико орала Даша, безуспешно пытаясь разглядеть дорогое лицо.

– Ну и шлем... конечно же, шлем... так ведь не забрало же... Ну какой умница, – качала головой мамочка и умиленно складывала ручки под грудью пирожком. – Надо же, умница какой, за границу поехал, сейчас там, говорят, можно шубу купить ну совсем за копейки...

Даша ничего не слышала – прежние чувства всколыхнулись в ней с новой силой.

И вот уже на протяжении стольких лет Даша любила Эдварда Соболя безответно и трепетно. Правда, это совсем не помешало ей несколько лет назад успешно выскочить замуж за тихого, скромного программиста Аркашу. Аркаше повезло устроиться в серьезную фирму, где он как-то разом пошел в гору, стал зарабатывать приличные деньги и осыпать страдающую жену роскошью. Даша относилась к мужу с вниманием, очень ценила его щедрость, старалась быть образцовой женой, содержала дом в идеальной чистоте, Аркашу корми-

ла на убой и была по-настоящему счастлива, но раз в полгода у нее все же случались срывы – она бросала все, убегала к сестре и с упоением отдавалась страданиям по далекому, недостижимому Соболю.

– Сегодня прочитала о нем в журнале... – с горькой печалью говорила Даша, уминая печенье из коробки. – Там такая фотография – ум-м-м-м! Представляешь... сам весь в белом... Ой, да что я тебе рассказываю! Я ж этот журнал при-тащила!

Она стремительно вспорхнула к чемодану и принеслась обратно уже с журналом в руках.

– Смотри! Весь в белом и с розами... Нет, Ксения, мне тебя просто жаль – ты никогда не узнаешь такого сильного чувства! Потому что... потому что любить можно только Соболя! А я тебе... да я никому его не отдам!!!

– Да? – сонно переспросила Ксюша. – А сам-то Соболя знает? Ну что он – твоя собственность?

– Собственность? – вздернула бровки Даша. – Ну... я ему еще не сообщала, но... Короче, я решила ему позвонить. И признаться в любви. Нет, а чего такого-то?! Я вот тут статью про него прочитала, и что?! Я ж поняла – его никто не понимает! Он буквально одинок в этом жестоком мире! Одинок! Он... Он просто кричит о помощи!!!

Ксюша взяла журнал, пробежала статью. Ничего про крики там написано не было. Просто говорилось, что некий господин Соболя явился устроителем очередного спортивного

фестиваля, где весь известный люд веселился на всю катушку и сам господин Соболев весьма недурственно времечко провел.

– Хватит врать, Дашка, тут вовсе про одиночество ни слова.

– Читай между строк! – скороговоркой протрещала сестра. – Видишь... где же тут... а вот! Вот отсюда...

Ксения сонными очами уставилась в текст и послушно забубнила:

– «...мужественному красавцу Эдварду Соболю поклонницы просто не давали прохода. Устроитель праздника не мог найти уединения даже в собственном номере, куда фанатки...» – прочитала Ксения и уставилась на сестру. – Ну? И где здесь про одиночество? Тут же по-русски написано – нет у мужика уединения! Пряма-таки рвут его там на части, твоего Соболя.

– Ну а я тебе про что? – потеряла терпение Дашка. – Я ж тебе и говорю – рвут! А если б я с ним была, да разве ж я бы кого к нему подпустила! Да я б... я б тех фанаток! Я б их... дихлофосом бы всех! Да просто дымовой шашкой! Да я б его своим телом!.. Так о чем это я? Ага! Соболев! Конечно же, он страдает! Нет, Ксюшка, больше никак нельзя терпеть... Ты там что-то говорила про деньги за заказ? Придется мне у тебя их занять и ехать. А что делать? Правда, маловато, но там уже и у Аркаши получка будет...

Ксюша смотрела на сестру и ничего не могла придумать.

Она знала, что фанатизм – страшная болезнь, но что среди фанаток окажется ее же собственная сестра!..

– Даш, а может, тебе на работу устроиться – отвлечешься, а? – безнадежно предложила она.

– Ну конечно! – охотно откликнулась сестрица. – Конечно, я устроюсь. Только не на работу – мне там некогда будет. Надо устроиться на ускоренные курсы английского языка – Эдик постоянно за границу мотается, не хотелось бы торчать с ним рядом тыквой – придется ж беседу поддерживать. Потом еще надо походить на танцы живота, нелишне окажется, я думаю... Чего там еще? С фигурой у меня порядок – я на фитнес уже второй год езжу, а он ни хрена не помогает... машину вожу... вот еще бы морду подтянуть, как думаешь, а?

Ксюша тяжело вздохнула – похоже, в этот раз сестра всерьез пошла вразнос.

– Я думаю – сейчас мы с тобой спать ляжем, а завтра...

– Да какой там спать! У меня столько всего надо передумать, – начала возмущаться Дашка. – Я тут...

– Спать! – рявкнула Ксения. – Потому что не выспишься, и сразу же испортится цвет лица! Оно тебе надо?

На это Даше нечего оказалось ответить. Она послушно подскочила со стула и заторопилась в гостиную стелиться – аргументы младшей сестры были весомыми, как гири.

Утром Ксения привела себя в порядок, схватила сумку и заглянула в гостиную – сестра спала, сладко улыбаясь: наверняка ей снился Соболев.

– Вот и встречалась бы со своим любимым во сне, чего дурью мучиться? – пожалала Ксюша плечами и выскользнула за двери – надо было сбегать в магазин и заскочить к Аленке, обрадовать подругу, что сегодняшняя вечеринка отменяется.

Аленка собиралась на работу, то есть сидела перед зеркалом и тупо пялилась на свое отражение.

– Ты не торопишься? – на всякий случай спросила Ксения. – У меня новость.

– Не тороплюсь я, – пробурчала подруга. – Ты ж знаешь, я могу и к обеду заявиться – мой киоск, когда хочу, тогда и появляюсь. Мне сегодня товар завозить не надо... Вот черт! Ну никак не идет мне эта помада!

– Ален, знаешь... сегодня у нас никакого праздника не получится, – с огорчением сообщила Ксения. – У меня...

Но подруга так задохнулась от возмущения, что больше ничего слышать не могла:

– Здра-а-ас-сте! Как же это не получится? Я почти собралась! Платье вон вытащила, накрасилась почти. И потом... твой Сидоров обещал меня сегодня со своим другом познакомить, а ты! Ты вот так берешь и прямо-таки наступаешь на мою личную жизнь! Это ж я так и старой девой помереть могу!

– Ну давай у тебя соберемся, чего ты взвилась-то? – поморщилась Ксюша. – Я ж тебе объясняю – ко мне переехала

Дашка. Конечно, вы можете прийти, посидим, но сразу говорю: она никому слова не даст вставить – все разговоры будут вестись только во славу Соболя!

Аленка знала о семейном горе Марьиных – о нем знали все, а потому тут же осела и остервенело шлепнула себя по коленке:

– Вот черт, а? Ну совсем баба сдурела! Теперь две недели никому житья не будет... и что – опять просит тебя зайти в Интернет и скачать его фотографии?

– Нет, на сей раз хуже. Она собирается к нему ехать и признать в пылких чувствах.

– Во! Пусть едет! – радостно подскочила Аленка. – Этот Соболев не дурак, он ее просто не узнает, у него ж таких пылких знаешь сколько! И твоя сестрица вернется домой, а на любви будет поставлен жирный крест. А там... Мы ей снова купим мороженого, «Белочки» и... да все нормально будет!

– Может, и будет, – опечалилась Ксюша. – Только она ведь не одна поедет, она меня с собой потащит, я ее знаю.

– А ты... ты скажи, что...

– Да ничего она не будет слушать! Ей же вынь да положь этого Соболя! – выкрикнула Ксения. – Нет, Аленка, я просто продам квартиру и потеряюсь без вести, ну не могу уже страдать от этой ее страсти. И ведь такая нормальная женщина, а надо же! Такое несчастье...

Аленка задумалась, покосилась на платье и грустно спросила:

– Слушай, а чего ей Аркашка-то не нравится? Ведь хорошо же живут? И на внешность он... не красавец, конечно, до Соболя ему далеко... но и не урод!

– Она говорит, что в нем не хватает движения, – грустно пробормотала Ксения.

– Откуда она знает, какое движение у этого Соболя! – снова вскинулась Аленка. – Может, он вообще! Или... а ты про какое движение вообще-то?

– Она про жизненное! Ну что Эдвард этот – постоянно ездит туда-сюда, какие-то турниры, фестивали, соревнования. Что рядом с ним кипит жизнь, а Аркаша... в общем, он, по ее мнению, компьютерная плесень.

– Это ж надо так о родном муже... – покачала головой Аленка.

– Ну и... Им же никто не восхищается – Аркашей-то! – огорченно всплеснула руками Ксения. – Наша Даша – она как дите неразумное, что другим, то и ей подавай! А Аркашку – его ж не видит никто! Он никуда не ходит, а уж если выйдет! Нет, Аленка, я тебе честно говорю – пусть он лучше дома сидит. А Эдвард!..

– Ну конечно – Соболя чего не любить! Красавец, любимчик, баловень, возле него такие люди! Картинка, а не мужик, а Аркашка... Кстати, а чем он занимается? Каким видом спорта?

– Да никаким! Разве только в компьютерный хоккей играет... да нет, он, по-моему, игрушки не сильно уважает.

– Да я тебя не про Аркашу спрашиваю! Соболь этот ваш – кто он? Хоккеист, футболист?

Ксения задумалась, потом пожала плечами:

– Лыжник, кажется...

– А мне что-то кажется, у него там с бадминтоном связано, я фотографию видела в журнале, с ракеткой... Позвони Дашке, спроси.

Ксения не знала, зачем это нужно Аленке, но послушно набрала номер домашнего телефона, и сонная Дашка ей ответила:

– Эдвард? Кто он такой? Да он же фигурист! Занимается фигурным катанием!

Ксения опешила:

– Дашка, ты что-то путаешь! Мы ж его тогда по телевизору в шлеме видели! И он на лыжах был, я точно помню.

– Это тогда! А потом он переучился на фигуриста! – трещала в трубку сестра. – Потому что ты знаешь кто у него в друзьях? Известные наши фигуристы – Алексей Шурин! Аня Бровка, Константин Романов! Я же по журналам все его фотографии собираю!

Ксения бросила трубку и уставилась на Аленку:

– Там ничего не понятно.

– Ничего себе! – вытаращилась Аленка. – Это чего ж – твоя сестрица столько лет убивается по мужику, а чем он занимается, даже не удосужилась узнать! Чего там в газетах-то пишут?

– Ты думаешь, она читает? – вздохнула Ксения. – Она, если покупает журнал, сразу же хватается ножницы и вырезает его фотографию. Нет, ну бывает – пробежится глазами по статье, не появилась ли у кумира новая возлюбленная, и все. Все его регалии у нее в мозгу не задерживаются. Но... Она говорит – фигурист. А мне кажется... биатлон. Тем более если с ракеткой...

Девицы были слабы в спорте, оч-чень слабы, а оттого и решили не испытывать судьбу, а просто залезть во всемирную паутину и узнать про известного красавца больше.

Оказалось, что Эдвард Соболев всерьез занимался прыжками с трамплина, но потом перешел на организаторскую работу и теперь назывался очень престижно, серьезно и даже страшновато – председатель федерации... черт! А вот какой федерации, у девчонок тут же вылетело из головы.

– Ну ладно, потом на листочке запишем, – успокоила Аленка. – И выучи хорошо, а то как же ты искать его будешь!

– Я-я?! – поперхнулась Ксения. – Ален, я не буду его искать! Наши родители этого не перенесут! Им нашей Дашки за глаза хватает!

– Ты ничего не понимаешь, – серьезно проговорила Аленка и насупилась.

И по этим ее сдвинутым бровям Ксения поняла: подруга опять что-то придумала. Она частенько выдавала всякие сумасшедшие идеи, но иногда они приносили результат. Поэтому сейчас Ксения напряглась, вытянула шею и даже уло-

жила руки на колени:

– Ну говори, чего делать?

– А делать вот чего... – почесала висок Аленка. – Тебе надо ехать... а где он живет-то, этот Соболев?

– В Москве, я в журнале читала.

– Тогда тебе в Москву, – решила Аленка. – Ничего не поделаешь, надо спасать сестру.

– И куда я там? Кто меня к нему пустит? – всерьез испугалась Ксения. – Нет, я не поеду... Да ну! Чего я там с ним буду делать-то? И потом – что я ему скажу? Здравствуйте, я ваша тетя?

– Точно!! – полыхнули глаза у Аленки. – Именно так!! Только тетя – это старовато, но вот сестричка!.. Например, двоюродная! Дочка тети Люси! А?

– Ну откуда ты взяла, что у Соболева есть тетя Люся? – упиралась Ксения изо всех сил.

Однако Аленка была непоколебима:

– Не трусь! У каждого из нас обязательно в родне имеется своя тетя Люся, ну а там... там уже дело артистизма! Так что... Слушай, что надо делать...

Эдвард Соболев не любил выходных. У него было столько работы, он так мотался по городам и странам, что иногда засыпал, не раздеваясь, мечтал только выспаться, отдохнуть и никуда не торопиться, но едва появлялось свободное время, как он просто терялся. Нет, раньше было все немного по-

другому, а вот сейчас... И даже с друзьями посидеть не получалось, у Ани с Алексеем что-то не ладилось в семейной жизни, оба мучились и переживали, а все газеты уже радостно трубили о разводе известной на всю страну пары. Ну и чего их дергать? Да и у самого Эдварда в жизни случился не самый солнечный период. Нет, он, как и прежде, не знал отбоя от поклонниц, его сайты все так же пестрели портретами распрекрасных девиц, но... но это все было не то. Да и с квартирой сейчас... м-да-а-а, а ведь кто-то думает, что у него бассейны с горячим шоколадом...

– Эд! Тебе опять звонила эта баба, – раздался до боли знакомый голос его помощника. – Ну та, которая хозяйка квартиры. Спрашивала – брать будешь?

Соболь поморщился. Не хотелось ему квартиру. Ему хотелось дом. Свой. Чтобы выйти по лестнице в сад – и белые цветы в огромных вазах, чтобы развалиться на диванчике и потягивать пиво, чтобы... и ведь все было!

– Не буду, – сдвинул он брови. – Позвони, скажи, что я передумал.

– Передумал? И чего? И это, получается, опять на съемной квартире?! Как, прям, гастарбайтеры какие-то!! – кипятился помощник Кузьма. – Я даже адрес никому не могу дать – мне писать никто не может!

– Зато тебе звонят на дню по десять раз.

– Да? А если мне хотят посылочку послать? – скривился Кузьма. – А если мне мама носков навязала на всю зиму?!

Шерстяных! И куда она?

– Сейчас только лето начинается, – лениво отбrehивался Соболю.

– Так с тобой и до зимы будешь по съемным хатам скакать!

– Увольняйся! – коротко бросил Эдвард. – Между прочим, я тебя не просил моей бывшей жене подсовывать тот журнал с розами!

Кузьма примолк, но только на секунду:

– А я и не подсовывал! Она такая, значит, мне сама позвонила и спросила – чего это, мол, все про какую-то статью болтают? Ты, дескать, не знаешь? Ну а чего ж я не знаю! Я взял и сказал – где! Ну она и... Да там ничего такого и не было! Просто какой-то трудяга написал, что ты ухлестывал за артисткой этой... как ее... за Ольгой Тропиковой. Ну и что ей розы ведрами дарил, и фотографию с этими ведрами... с розами. А твоей, видно, не понравилось. Так а я чего ж? Я, между прочим, тоже к этой Тропиковой неровно дышу, так я ж ей лилии тазами не таскаю!

Соболю поморщился. Он разбаловал Кузьму, это ясно. Он и без того позволял ему многое, ну а как же! Когда-то учились вместе. С раннего детства Кузька норовил проехаться на шее Соболя. Эдик в школе учился не на отлично, чего уж там, много времени отдавал спорту, не всем педагогам это нравилось. И бедная мама в школе была нередким гостем. Защищала сына, а как без этого, но и ее святого терпения порой не хватало, грозила: если не сядет за учебники – ни-

каких сборов и лыж. Приходилось сидеть. И вот тогда рядом оказывался Кузька, беззастенчиво смазывал все чертежи с листов Эдьки и даже умудрялся получать оценки выше. Эдик тогда даже плакал от злости – несправедливо! Он же весь вечер над чертежом корпел, Кузька только мультики смотрел, а оценка у того выше! Но... слишком много времени уходило на спорт, и маленькому Соболю снижали оценки только за прогулы, даже если они были уважительными. Сейчас-то он ни о чем не жалеет и с Кузькой до сих пор не может расстаться – дружок быстро смекнул, что можно неплохо устроиться, и накрепко прикипел к Соболю.

Эдвард даже сам не знал, кем у него работает этот Кузька – тот делал все патологически отвратительно! Одно время Соболю поручил заниматься дружку своими бумагами, но очень скоро понял, что погорячился: такого бардака и неразберихи один Соболю никак соорудить бы не сумел. Пришлось Кузьму от документов отстранить. Но бывший одноклассник требовал работы! Причем хорошо оплачиваемой. Можно было отправить «работничка» восвояси, но каждый раз что-то мешало Соболю выставить друга детства. Теперь Кузьма заведовал домом. Хотя... чего уж там заведовать? Ни убрать, ни сварить... да и неловко как-то мужика к женскому делу представлять. Но уезжать Кузя не планировал, напротив, у него были грезы прочно осесть в Москве, и потому Соболю терпеливо выплачивал дружку некую сумму за... за воспоминания детства и за тот кошмар, который Кузьма величаво называл

питанием и ведением хозяйства! В общем, у Кузьмы была одна задача – чтобы его благодетель Соболев не загнулся от голода и не задохнулся от пыли. Однако и эта задача не всегда адекватно решалась. Но оба терпеливо делали вид, что Кузьма просто необходим в одинокой квартире Соболева... а может, так оно и было. Но уж больно он себе много стал позволять. Хотя... если честно, совсем не Кузька виноват в разводе с бывшей женой Эдварда. Просто так вышло, так случилось, не сошлись характерами, как это принято говорить. И он бывшую жену оставил, вместе с домиком, вместе с цветами и вазами... А теперь мотается по съемным квартирам...

– Хоть бы эту картину купили, что ли... все-таки деньги... – слышалось бурчание Кузьки с кухни.

– Ты не ворчи! Что у тебя там приготовлено? Уже есть хочется, времени второй час дня, а мы еще не завтракали! – поторопил Эдвард.

– Так я и говорю – хоть бы картину купили! – уже громче проговорил Кузьма. – А то чего она торчит-то? Прямо как рекламный щит: «Продаем цветы, ночью дешевле!»

– Какая картина? – не понял Соболев. – Да ты свихнулся с этими цветами! Чего есть будем?

Но Кузьма еще ничего не приготовил – сам-то он с утра перекусил последним кусочком окорока, да еще салатик себе соорудил, а вот о хозяине не позаботился, подзабыл. А тот, оказывается, помнил про завтрак-то. Ну и пришлось срочно разбить три яйца да забалтывать Соболева последними ново-

стями.

– Так я и говорю! – уже кричал Кузьма с кухни. – В доме напротив, на первом этаже, где раньше был фотосалон, сейчас во все окно красуется твоя фотография. Ты в белом пуловере, помнишь, который ты сам себе брал? Ну вот, в нем и с цветами. Слушай, Эд, и чего ты все время с цветами светишься? Прямо как садовник какой! Миллион-миллион-миллион алых ро-о-о-оз!

– погоди ты выть! – прервал фальшивое пение Соболя. – Какая опять фотография? Чего мелешь-то?

Кузьма даже высунул голову в комнату:

– И ничего я не мелю! Сходи да посмотри! На первый этаж спустись, прямо напротив нашего дома! Не, главное – я же еще и мелю!

Соболю идти никуда не хотелось, но уж больно непонятно было – откуда опять появилась эта его фотография. И зачем?! Реклама, что ли? Он никакого согласия на рекламу не давал! Что хотят, то и делают!

– Готовь завтрак, я быстро, – уже в прихожей крикнул он Кузьме.

– Хлеба купи!! – вдогонку ему крикнул бесстыжий помощник. – И масла сливочного!

Какое там масло – в два прыжка Соболя оказался на улице. И точно!!! Во все окно фотосалона красовался огромный портрет самого Эдварда Соболя. Ну и, конечно же, с цветами, куда без них. Вот он, в белом свитере и с розами, как в

журналах. Кстати, ему эта фотография очень нравилась, он даже выставил ее на страничке в «Одноклассниках», но... Но ведь не во все же окно!!

Эдвард подошел ближе. Мать честная! Да это не фото, это огромный портрет. Масляными красками, или чем там... вот сейчас хорошо видно, когда ближе подойдешь... Ну надо же... И кто ж такой умелец? Нет, надо обязательно купить...

– Здравствуйте, – вежливо обратился он к работнику салона. – А кто это у вас мой портрет выставил? Нельзя ли с ним переговорить?

Парнишка возле стойки равнодушно пожал худенькими плечами и проронил:

– Я тут вообще ничего не знаю, меня попросили постоять за Ленку, я и стою. А так я вообще аппаратом щелкаю.

– А как бы узнать – кто эту красоту поставил?

– Откуда я знаю! – лениво отвел глаза парнишка. – Че я-то сразу?

– Да ниче! – потерял терпение Соболев. – Связаться с хозяином салона ты можешь?

– Ну и могу, а че?

– Так и свяжись! Да нет, ты лучше просто номер набери, а с ним я сам поговорю, шевелись давай.

Парнишка недовольно оттопырил губу, но на большее не отважился.

– Вадим Сергеич! – уже через секунду кричал он в трубку старенького телефона. – Тут к вам какой-то... в общем,

спрашивают вас тут... Натё, говорите. Только недолго, мне позвонить должны.

Соболь решил вопрос в течение двух минут, после чего протянул трубку парнишке:

– Все. И ничего страшного, а ты боялся, – хмыкнул он и легкой походкой вышел из салона.

Интересно получается. Некая неизвестная художница заплатила кругленькую сумму салону только за то, чтобы воспользоваться их окном. И ничего больше. Никаких рекламных слоганов, никаких побочных просьб. Окно сняла на месяц, но каждый вечер звонит и спрашивает про состояние портрета. Прямо интрига какая-то. Хорошо хоть эта мазилка оставила свой телефон. Тоже непонятно для каких нужд. Но сейчас он позвонит ей из дома и все выяснит. Даже настроение поднялось!

– Черт, как домой-то не хочется. Стопудово Кузька опять яичницу подаст, – фыркнул Соболь и свернул в ближайшее кафе.

Это кафе он знал – кормили там дорого, но вкусно, Эдварду нравилось. Немудрено, что он здесь был частым гостем, на Кузькиной еде долго бы не протянул.

Официанточка в фартучке нежно-лимонного цвета яркой бабочкой порхнула к его столику.

– Что будете заказывать? – заблестела она глазками на приятного посетителя.

– Мне... да, в общем, все как всегда, и еще... посмотрите,

пожалуйста, чтобы ко мне никто не садился, – улыбнулся ей Соболев.

– Хорошо-о-о, – муркнула девчонка. – Будете обедать в гордом одиночестве.

Соболев качнул головой и стал набирать номер неизвестной художницы.

Трубку взяли сразу же – с первого гудка.

– Да? – отрывисто прозвучало в ухо.

– М-м-м... меня зовут Эдвард Соболев... – даже несколько растерялся он.

– М-да? Что-то мне не верится... Вы уже пятый Соболев, который мне звонит.

– Пятый Соболев? – растерялся Эдвард. – А чего это у нас так много пушнины развелось?.. Девушка, вы меня не поняли, меня зовут Эдвард Соболев...

– А меня Ксения, я же не звоню каждому встречному из-за своего прекрасного имени.

– Да, но я-то вас не рисовал! А вы меня... короче, мне бы хотелось с вами встретиться.

– А как вы докажете, что вы – Соболев?

Девушка говорила без малейшего кокетства и даже, казалось, немного недовольно. Эдвард окончательно стушевался. Обычно его имя собеседнику говорило о многом. И о том, что в Москве целая стая «Соболей», он и не подозревал. Честно признаться, он думал, что портрет в окне – это работа какой-то очередной его талантливой поклонницы, ко-

торая таким образом решила привлечь его внимание. Ну и само собой – девица по всем канонам должна сидеть дома и с волнением ожидать, когда ей этот самый кумир позвонит. А тут вообще получается какая-то чертовщина. И он же что-то еще должен доказывать!!

– М-м-м-м, понимаете... – снова начал он, неожиданно для самого себя – уж больно девица по телефону не была похожа на визжащую фанатку. – Я тут возле дома увидел свой портрет, ну и хотел бы... хотел бы его... И мне надо срочно с вами встретиться!

Вот дурак-то! Ну что он делает? Он же прекрасно знает – с фанатками лучше один на один не встречаться! Им только улыбнись, а потом замучаешься доказывать, что это не ты отец ее семерых детишек!

– Я даже не знаю, смогу ли я... – удивленно фыркнула девица. – И вообще вы такой... подозрительный, с чего это я к вам побегу?

– Да с того, что вы написали меня маслом! – не выдержал Соболев. – И я хочу купить у вас эту картину!

– Прекратите нести чушь! Я вас не знаю и никогда не писала. Маслом!

– Короче! Сегодня! В семь вечера в кафе «Маргарита»! Или я сам лично приду и без всяких объяснений заберу этот... этот щит! – отчеканил он.

– Да вы сумасшедший! – тихонько охнула незнакомка. – Не смейте трогать холст! Это искусство! Я его писала две

недели! О`кей, я приду! Только учтите – я буду с милиционерами! И у меня... у меня будет с собой красная сумка.

Эдвард заметил ее сразу. Она пришла одна, без милийского патруля, и оказалась довольно приятной девушкой лет двадцати шести. Он уже был на месте и теперь следил, как она пробирается между столиками, прижимая к себе сумочку ярко-красного цвета. Девушка шарила глазами по залу и выглядела беззащитной и робкой. Эдвард помахал ей рукой, она его заметила и тут же надела на лицо непроницаемую маску.

– Ксения, – сурово протянула она ему руку лодочкой.

– Эдвард, – мотнул головой он. – Угощайтесь.

Он рискнул и заказал блюда на свой вкус, и девочки уже даже принесли их, поэтому теперь он изображал гостеприимство.

– Ну знаете... я вовсе не ест сюда пришла... – нервно ершилась Ксения. – Давайте лучше сразу выясним – зачем вы меня хотели видеть?

– А вы и не догадываетесь, да? – лукаво прищурился Эдвард. – Две недели рисовали меня, как икону, на этот плакат – волосики, очочки черненькие, цветочки красненькие, даже свитерок мой во всех тонкостях изобразили, а теперь даже ума не приложите – и чего это я такой заинтересованный, да?

Девушка вытянулась в струнку, покраснела и быстро заморгала:

– Я в самом деле... да про что вы говорите-то? Какой плакат? С чего это я вас писать буду? Главное еще – свитерочек какой-то...

– Короче, как я понял – либо вы не хотите признаваться, что рисовали меня, либо это и в самом деле не вы меня в фотосалоне выставили, – надоел этот неприятный разговор Соболю. – Тогда нам с вами и правда говорить не о чем, буду искать настоящую художницу. Потому что мне вовсе не хочется, чтобы моя... картина призывала людей сниматься в каком-то дешевом салоне!

– Нет... погодите... Про какой это вы портрет говорите? Я и в самом деле выставила портрет в салоне, но... но рисовала вовсе не вас, а... а своего двоюродного брата, – скороговоркой протрещала девушка, окончательно покраснев. – И вовсе не за тем, чтобы кого-то куда-то призывать. Просто... просто мы давно потеряли с ним связь, и... и я таким образом решила его найти. И его тоже зовут Эдвард Соболев. Мне мама сказала, что он живет в Москве. Но... я не думаю, что это вы. Нет, я даже уверена, что вы вовсе никакой мне не брат!

– Да я, в общем-то, и не набиваюсь... – пожал плечами Соболев. – Только сразу вам говорю – на картине я.

Девушка проглотила ком в горле, потом отчаянно потянулась к фужеру, выпила вино одним залпом и сообщила:

– Я – дочка вашей тетки... ее тетей Люсей зовут. Мне мама давно говорила – надо найти брата, чего ж ты одна... в смысле без брата! А у нашей родни как раз имеется сын... как вашу

маму зовут?

– Ирина Федоровна... – автоматически ответил Соболев.

– Вот! Мама мне так и сказала: у моей сестренки Ирочки есть сын – Эдик... Погодите, а как вас зовут, вы говорили?

– Меня не Эдиком зовут, – набычился Соболев. – Меня зовут Эдвард.

– Да что вы! – охнула Ксения, будто бы только что услышала это имя, будто бы он не представлялся ей уже раз десять. – Вас – Эдвардом? Так это же... это же Эдик и есть! Так вы... С ума сойти! Получается, что вы мой брат? Да ни за что не поверю!

– Я тоже, – согласился Соболев, вытащил телефон и стал набирать номер матери. – Мам!.. Да ничего не случилось... нет, все нормально. Я знаешь чего спросить хочу – у нас в родне никаких Ксений не было?.. Ксения! Ей лет двадцать восемь – двадцать семь...

– Двадцать шесть! – влезла девица. – И спросите про тетю Люсю! Про Люсю спросите! Была в родне такая? Это моя мама!

– Мам! У нас Люся была в родне?.. Да нет, той примерно... ну она уже твоего возраста... Мам! Алло!! Ну чертова связь!.. Мама! Я тебя про Люсю спрашиваю!.. Да? А у нее дочь была? Ну хоть у какой-то? Да? Ага... понятно... Ну все, мам, я перезвоню. Пока.

– Ну и чего? Была? – тихо торжествовала Ксения, по разговору она поняла, что какая-то Люся среди родни отыска-

лась.

– Да кто его знает. Мама сказала, что у нас даже две тети Люси и одна тетя Люба. Только у них вроде сыновья. И им уже по полтиннику лет-то.

– Ну правильно! – вытаращилась Ксения. – Потому что у меня одни братья, а мамочка сказала, что родила меня очень поздно. Я у них с отцом запоздалая какая-то вышла.

– Братья? – окончательно запутался Эдвард. – Но... ты же говорила, что хочешь найти меня, потому что одна! И никаких братьев-сестер нет!

– Ну... а вы считаете, что если моему брату пятьдесят лет, так он мне друг, товарищ и брат? Да он же... он скорее уже второй папа. А мне так одиноко без родной кровинки... молодого возраста. Хотя... Я вовсе не собираюсь тащить вас к себе в родню! И вообще! Вы еще не доказали, что вы и есть мой брат, понятно?! Тем более что я в Москве по справочному искала, а там этих Соболей!!! И что же мне, всех их к себе в братья записывать? А между прочим, портрет только один, я его с фотографии писала... мамочка фотографию нашла братика, вот я и... написала... в полный рост... чтобы, так сказать, сразу по всем приметам отыскать. А вы говорите, что вы мне брат!.. Наверное, просто хотите портрет купить, да и все...

– Ну и хорошо! И хочу купить! Продавайте мне этот портрет, и дело с концом. Чего мы спорим-то? – вытаращился Соболев.

– Продава-а-ать? – округлила глаза Ксения. – Ну знаете... я родней не торгую! И потом... как же я братца найду? Вы же... вы же мне не брат... или...

– Да и не надо! Я не набиваюсь к вам в родственники! А портрет... да черт с ним, в конце концов! Но только чтобы завтра же его там не было! Я тоже своей мордой не торгую! – вышел из себя Соболев.

Ксения как-то сразу сникла, заморгала и обреченно махнула рукой:

– Да ладно... чего уж там. Я вам подарю этот портрет. Сама сниму и... И какая разница, брат вы там или сват, правда же? Если вам понравилось... что ж...

– Да нет, я ведь и заплатить могу, – успокоил ее Соболев. – Вы только скажите – сколько это стоит. Я ж никогда с живописью не сталкивался, а там наверняка одной краски ушло...

На это девчонка обиделась всерьез.

– Кра-а-а-ски... – насупилась она. – Вы еще холст посчитайте! Можно подумать, картины кто-то когда-то по краске покупал. Говорю же – подарю, так и нечего... Куда вам принести?

Соболев задумался: а и правда – куда? Не в съемную же квартиру. А эта Ксения будто мысли подслушивала.

– Я к вам домой прийти должна. Мне надо вам посоветовать, куда ее лучше повесить. А то свет не так будет падать, и пиши пропало, все труды насмарку.

Соболев поморщился. Так он и знал. Точно поклонница.

Проберется в его квартиру, а потом стены маркером, звонки по телефону и рыдания под дверь. Прощай, спокойная жизнь. В голове метались неприятные мысли, а враг-язык уже лопотал адрес.

Девушка адрес аккуратно записала в записную книжку, но бурной радости не проявила.

– Хорошо, – качнула она головой, как престарелая учительница. – Только сразу предупреждаю: станете приставать – буду орать.

– Ой да боже ж мой! – хлопнул себя по коленям Соболев. – Вот уж что я смело могу вам обещать, так это то, что приставать не буду! Честно! Можете так и записать в своей книжечке: «Обещал не приставать. Не обманул, сволочь!»

Девушка изумленно на него вытаращилась, два раза хлопнула ресницами, фыркнула и пошла к выходу.

– М-да... и чего ж природа такую талантливую девочку красотой обделила? – задумчиво пробормотал себе под нос Соболев. – Приятненькая серенькая мышка... Еще называется «сестренка»! Нет, чтобы...

Ксения ехала на квартиру, которую они в Москве сняли вдвоем с Аленкой – подруга ни в какую не хотела отпустить ее одну. Это еще они Дашке не сказали, что в Москву едут, а то та непременно бы прицепилась с ними, и тогда – прощай, вся операция. И вот сейчас Аленка уже, наверное, вся высохла от любопытства – это ж она придумала, как подо-

браться к Соболю.

– Напишешь его портрет и выставишь рядом с его домом, – терпеливо диктовала подруга еще дома. – Он обязательно отреагирует. Не может быть, чтобы не отреагировал! И... познакомишься.

– А... может быть... может быть, его лучше через федерацию отыскать? – слабо блеяла Ксения. – Так же быстрее.

– Я тебя умоляю! – закатывала глаза к потолку бурлящая идеей Аленка. – И кого ты там собралась искать? Брата? Ты не забыла, что Соболев никаким боком к твоей родне не прислонялся?! И потом, ты чего? Нам уже никого не надо искать, мы его сами найдем по всяким там таблоидам! Тебе его зацепить надо! При чем здесь федерация? А они тебе найдут!!! Они быстро отыщут! А заодно и ему стуканут, что ты никакая не сестренка и гнать тебя надо в три шеи!

– Ну уж!! Может, и обойдется... – вздыхала Ксения.

– Нам не нужно, чтобы обошлось!! Нам нужно его заинтересовать! – Аленка ходила по комнате, бурно жестикулируя. – А заинтересовать... Ну ты уж прости, подруга, но, кроме твоего художественного таланта, в тебе интересного мало. А уж для такого светского монстра – и вообще полный ноль! Тебе надо его зацепить! И поэтому – только портрет! Только сам Соболев в полный рост. И тогда... поверь моему опыту – он не соскользнет... Еще не было таких мужчин, которые спокойно бы прошли мимо своего изображения... Конечно, если оно выполнено на высоком уровне!.. А ты смо-

жешь, чтоб на уровне?

Ксения смогла. И что ж – Аленка оказалась права. Во всяком случае, Ксении удалось переговорить с этим... светским монстром. Правда, она окончательно завралась, запуталась, наплела черт-те что, но... видимо, Соболь и в самом деле был так обеспокоен своим изображением, что, кроме портрета, на остальное смотрел уже более прохладно. Проскочило!

– Ну как? – налетела на нее подруга, едва Ксюша переступила порог. – Ты не раскололась? Все нормально прошло? Он тебе поверил?

– Ой, не знаю... – Ксения плюхнулась на диван. – Но ты знаешь... он такой... он совсем не дурак. Мне показалось, что он ни черта не поверил. Единственное, чем я его зацепила, так это портретом. И то потому, что он с живописью еще не встречался.

– Не поэтому, – отмахнулась Аленка. – Кому не понравится, если его пишут, как картину? Я ж тебе говорила!

– Ему не понравилось, – шмыгнула носом Ксения. – Он вообще обиделся, что я из него рекламный щит сделала. Да еще фотосалон какой-то дешевый оказался.

– Ну уж! Какой был! И потом, кто бы нам позволил этот портрет в дорогих салонах выставлять? Никаких бы денег не хватило... Ну ты давай! Рассказывай, какой он? – теребила подругу Аленка. – Напыщенный, да? Как индюк, да? И разговаривал через губу, точно?

– Да ни фиги не точно, – насупилась Ксения.

Ей отчего-то вовсе не понравилось, что Аленка говорит о Соболе какие-то глупости. Да еще с такой радостью!

– Нормальный он, поняла? – рявкнула на нее Ксения. – И вообще – он в жизни еще и лучше. Он такой... ну... в общем, смотрит так, а глаза у самого хи-итрые. И улыбка... И знаешь, у него такая манера держаться! Сразу видно – не наш затрапезный паренек, так отличается...

Аленка долго-долго смотрела подруге в рот, потом вдруг откинулась на спинку дивана и прищурилась:

– Слушай, подруга, а ты сама не того? Не влюбилась в этого Соболя? Ему ведь голову вскружить как нечего делать. Ну?

Ксения покраснела до корней волос:

– Ты... ты вообще-то думаешь, что говоришь? Чтобы я-я-я-я! В Со-о-о-боля! Можно подумать, у меня Сидорова нет! Ха!

– Ну-ну, – недоверчиво скривилась Аленка. – Это хорошо, что ты про Сидорова еще помнишь, а то я подумала – вдруг у вас это наследственное заболевание...

Ксения даже отвечать не стала, только выразительно покрутила пальцем у виска и под села к телефону. Она хоть и не сказала сестрице – куда едет (просто сообщила, что работать на заказ к одному ну очень состоятельному товарищу), но и выбросить из голову свою влюбленную родню так просто мне могла.

– Даша! Привет, Даша, ты как? – сразу же закричала в трубку Ксения, едва сестрица в ее квартире взяла трубку.

– Ой, Ксень, это ты? – как-то безрадостно удивилась сестрица. – Ты уже своего толстосума нарисовала?

– Дашка! Ну сколько раз тебе говорить – я не рисую, а пишу! Ну да неважно... Нет, Дашенька, я еще... работаю. Тут, знаешь, сестренка, тут работы непочатый край. Я... еще не скоро. Ты-то как?

– Я? Я плохо... – тяжело вздохнула в трубку сестра. – Аркашка приходил... купил мне путевку в Испанию... а я думаю... Ксюш, ты не в курсе, а Эдвард в Испании бывает? Может быть, он сейчас именно там, как думаешь?

Ксения не думала – она точно знала, что сейчас Испания прозябает без красавца Соболя. Однако сестре следовало развлечься, а ее муж Аркаша должен был вернуть жену в лоно семьи. И всячески по этому поводу старался.

– Дашенька!!! А ведь это идея! Вполне вероятно, что Соболя сейчас именно там!.. А может, и не там, но...

– Если не там, чего мне тогда туда ехать? – загнусавила сестренка.

– А того! – не выдержали нервы у Ксении. – Тебе обязательно надо туда! Там, между прочим, корриду проводят! Хоть на настоящих быков посмотришь, а то что ты у нас в городишке видела-то.

– Я не хочу быков, что я, корова, что ли? – капризничала Дашка.

– А я тебе говорю – съезди! – настаивала Ксения. – К тому же... Соболев там был, я это сама где-то читала. И ты... ты должна пройти по тем улочкам, где ступала его нога, посидеть в тех же сквериках, где сиде... где он сидел. И вообще! Ты должна видеть то, что он уже видел!

– Да! – неожиданно быстро сдалась Дашка, наверняка она уже подумывала об этом, но... неумемная любовь, будь она неладна, никак не могла ее отпустить. – Я вот тоже так подумала. Я поеду. А потом, когда уже окончательно вернусь, тебе все расскажу.

– Хорошо, я буду ждать, – с облегчением выдохнула Ксения, положила трубку на рычаг и отправилась на кухню. Там, в кафе перед Соболевым, она и куска проглотить не могла, а сейчас от волнения разыгрался такой аппетит, что она бы слопала целый мясной прилавок! Но в кастрюлях мясом и не пахло.

– Аленка! А сварить ничего нельзя было? – уныло крикнула она. – Ну хоть какую куриную ножку!

– Я себе сосиски варила. А тебе не оставила, ты ж в кафе пошла! Неужели Соболев не расщедрился? – тут же появилась в дверях подруга. – Пожадничал, да?

– Да он-то не пожадничал! – рыкнула Ксения. – Это ты вот – все слопала, а мне оставить не подумала. А в кафе... что я туда, жевать ходила? Нет, тут прямо хоть с голоду помирай... Ну чего есть-то?

– А ничего, – пожала плечами Аленка. – Ты теперь должна

блости свою фигуру. Тебе же надо еще раз с ним встретиться. И вот тогда, когда ты ему вручишь портрет, а сама взамен попросишь его позвонить твоей сестрице... Он позвонит, как думаешь?

– Пока звонить не надо, Дашка уезжает в Испанию...

– Ну и хорошо! – обрадовалась Аленка. – Пусть едет! Потому что... потому что этот Соболь тоже может не сразу проникнуться и начать твоей родне названивать. Пусть немножко к тебе привыкнет, а потом...

– Когда потом-то? – удивилась Ксения. – Она ж не на три дня едет! Мы с тобой что, в этой Москве... до пенсии будем жить, что ли?

– Неплохо было бы! – фыркнула Аленка и посерьезнела. – Ты за время не переживай – не на вокзале живем. Пусть все идет своим чередом. В конце концов, он ей и в Испанию может позвонить! Потом позвонит! Мне вот кажется – обязательно! А у меня знаешь какая интуиция!

Ксения задумалась. Вообще вся их история была придумана исключительно для того, чтобы сам Соболь поверил в то, что сестры Марьины приходятся ему родней. Пусть дальней – не важно. И чтобы он потом сам, лично, позвонил Дашке и сообщил ей эту сногшибательную весть. Понятно, что Дашка сначала жутко обрадуется, а потом огорчится – не станешь убиваться из-за любви к собственному брату! И уже точно не будет строить никаких брачных планов. Пусть перегорит, зато потом начнет потихоньку гордиться славным

родственником. И там, в их родном далеком городе, все казалось таким осуществимым! Самым сложным для Ксении было написать этот самый портрет, чтобы сходство оказалось поразительным. И вот портрет-то как раз вышел, а остальное... Ну, казалось бы, чего тут такого? Подумаешь! Потерялся братик, его ищут с помощью портрета, а чтобы тебе какие амуры крутить – ни боже мой! И разве он не поверит? Куда ему деться – поверит обязательно. А вот когда Ксения увидела глаза этого Соболя – поняла сразу же: черта с два! Ни в какую ересь он верить не будет, его на мякине не проведешь. И потом, у всех этих известных личностей на людей просто нюх какой-то – мгновенно соображают, кто тут есть кто. Да оно и понятно – в разных кругах вертятся, много чего повидали. Это только газеты пишут про них, что они размазанные куклы, а на самом-то деле... Короче, не станет этот Соболя звонить Дашке. Разве уж только если сильно-сильно попросить...

Вот примерно все это Ксения и выложила Аленке.

– М-да... – задумалась подруга. – Ты думаешь, если к нему втереться в доверие, а потом попросить чисто по-человечески – не позвонит?

– Может, и позвонит... – вздохнула Ксения. – Но уж называться нашим родственником точно не будет. Зачем ему это надо? А потом – представь: Дашка поверит, разрезвонит по всей родне, и что? Да наш дядя Петя первый же отыщет этого Соболя и станет у него деньги кланчить! Исключительно

пятого и двадцатого числа каждого месяца! А тетя Наташа начнет звонить ему по десять раз на дню и просить, чтобы он построил ей новую дачу. А наши молодые тетки Валя и Галя, те и звонить не станут – сразу же приедут и привезут своих перезрелых дочурок – устраивай им, родственник, столичную жизнь! Да ну, несерьезно это все.

– Ну и что, что несерьезно! – загорелись глаза у аферистки Аленки. – А вдруг получится? Ну даже если ничего не выйдет – чего страшного-то?

Ксения в изумлении вытаращила глаза:

– А ты не понимаешь, да? Сдаст он нас в милицию, и все!

– Не нас, а тебя, – поправила Аленка. – Ты же сестрой прикидываешься.

– Нет уж! Именно нас, потому что я одна не пойду! – выверилась Ксюша. – Все на тебя свешу! Молодец какая – на меня!

– Ну ладно, не сдал ведь еще... и потом, вдруг он благородным окажется, тогда и вовсе отделаемся легким испугом. Короче... тебе надо к нему ближе подойти.

– Какое ближе... – вздохнула Ксения. Она даже сама себе боялась признаться, что подойти ближе к Соболю хочется до ужаса. Вот уж в самом деле, если любить, то только его! – Отнесу завтра потрет, и все – адье.

Аленка сморщила нос, замерла в раздумье, а потом вдруг подскочила на стуле.

– А кто тебе сказал что ты должна нести завтра? Я знаешь,

что придумала? Надо дожидаться дождя! Пойдет дождик, а ты к Соболю заявишься с картиной. Вся промокнешь до нитки, замерзнешь, капли с волос капают, нос красный, туфли промокли, сопли...

– Ну ты уж совсем! – возмутилась Ксения.

– Чем хуже, тем лучше, ты ничего не понимаешь, – фыркнула на нее Аленка. – Притащишься вся такая несчастная и сообщишь, что даришь ему самое дорогое – несколько лет своих бессонных ночей!

– А если он не захочет? – вытаращилась Ксения. – Ну чтобы я с ним бессонные ночи...

– Дура!! – одернула ее подруга. – Это я про картину! Ну вроде как ты этот портрет несколько лет писала, ночей не спала, а теперь от сердца отрываешь.

– А я уже сказала, что две недели...

– Ну и кто за язык тянул? – покрутила пальцем у виска Аленка. Но потом махнула рукой. – Да ладно, он забыл уже. Или скажешь, что не спала все эти недели. Короче, он принимает подарок, и у него просто язык не повернется выставить тебя на улицу. Понятное дело, он пригласит тебя чаю попить. А ты...

– А я тут – раз! И достаю бутылку водки, так? Ну чтобы ближе...

– Нет, не так! – отрезала Аленка. – Ты вообще на спиртное не смотришь! Ты пьешь чай, а сама так вежливо спрашиваешь: «А кто у вас так отвратительно заваривает чай?»»

– Ни фиги себе – вежливо! – фыркнула Ксения. – А если он сам заваривает?

– Тогда скромно потупишься и проговоришь, что ты, дескать, знаешь изумительный рецепт, как этот самый чай заваривают, поняла?

Ксения облизала губы – от волнения страшно сохло во рту.

– Поняла. Только я отродясь никаких чаев не заваривала. Брошу пакетик в чашку, и замечательно.

– Придется научиться. Теперь, пока дождь не пойдет будешь учиться заваривать чай. Кстати, тебе еще надо подучиться готовить. Потому что... потому что я всерьез думаю, что ты должна устроиться к нему поварихой. Или на худой конец горничной.

– Я-я?! – осипла от удивления Ксюша. – А когда я картины писать буду? И потом... а зачем? Мне ведь только и надо, чтобы он...

Аленка не терпела возражений.

– Ты должна стать ему другом! И тогда... тогда он выполнит все, о чем ты попросишь, – торжественно сообщила она. – Я почему-то это чувствую!

Ксения задумалась. Это было бы неплохо – устроиться работать рядом с Соболев. И черт с ними, с картинами, – их всегда можно писать вечером или даже ночью, зато рядом будет Он!

– Ладно... завтра куплю книжку и...

– Никакую не книжку, – замотала головой Аленка. – Завтра же ты пойдешь и устроишься на курсы. Правда, здесь эти курсы стоят таких денег! Но ничего, вечером будешь писать картины... Кстати! Почему ты еще не написала портрет нашей хозяйки квартиры? Она женщина в возрасте, ей страшно захочется получить себя запечатленной на холсте! Только я тебя умоляю – убавь ей лет и килограммов!

Эдвард уже второй день мотался по всяким кабинетам, бегал с бумагами и в промежутках почти не вылезал из машины. В его родном городе назревал большой праздник – открытие огромного спортивного комплекса, ожидалось, что сюда съедется целая туча известных лиц, а потому ему – Соболю – оставаться в стороне было просто нельзя. Сейчас самое время организовать турнир, который может быть весьма прибыльным – турниры Соболя пользовались большой популярностью. Но, как обычно, что-то где-то не срасталось, кто-то отказывал в подписи, кого-то элементарно не могли найти на месте, а время шло. Понятно, что домой Соболев приходил уставший и злой, как черт. И ни о каком портрете он и не вспоминал. Да еще Кузьма! Отчего-то совсем забросил свои обязанности и решил срочно открыть какое-то свое дело. И только через неделю Соболев вспомнил – а ведь про картину так и не звонили!

– Кузьма! – устало позвал Эдвард помощника, придя в очередной раз домой, когда уже горели фонари. – Мне никто

не звонил?

– Пока я был дома – никто, – ответил тот, развалиясь в соседнем кресле. – Правда, я вот только что зашел. А мне? Никто не звонил?

– Ну ты хам, – лениво фыркнул Эдвард. – Ты меня уже к себе в секретари определил? Совсем совесть потерял. Между прочим, я тебе давно хотел сказать – ты когда убираться будешь? Смотри – все полы махровые! А на телевизоре сколько пыли! Ты что же думаешь – я ничего не вижу?

Кузьма от такой несправедливости дернул ногами и сел:

– Ну знаешь, Эд! Я, между прочим, тоже здесь не... не картины пишу! Я, между прочим, тоже, как заяц в колесе – скачу по всем администрациям, чтобы они мне разрешили киоск поставить! Чтоб самому на ноги стать! А ты! А мне знаешь сколько денег надо!

– Не знаю, – медленно проговорил Эдвард. – И даже не говори, мне все равно, где ты их будешь брать, дерзай.

– Так я и дерзаю, – кивнул Кузя. – У тебя хочу занять. А где я еще-то возьму?!

Эдвард примерно что-то такое и ожидал. Он встал, поплелся на кухню и хлопнул дверцей холодильника.

– А чего – у нас опять пусто?

– Так я ж говорю – ни тебе, ни мне готовить некогда, – отозвался помощник.

– Ну так хоть бы нанял кого, если сам не можешь! – уже разозлился Соболев.

– Тебе бы только деньги разбазаривать, – проворчал Кузьма. – Нам сейчас каждую копейку беречь надо. Ничего, потерпим.

Соболь заиграл желваками. Он, конечно, мог и потерпеть, но с какой стати при этом он еще должен содержать этого дармоеда!

– Ладно... – прошипел он. – Ты можешь и потерпеть, а я... я позвоню Лешке Шурину. У них с Аней была хорошая домработница, у них телефончик сохранился. Только ты где-нибудь черкни себе – вся твоя зарплата к ней перейдет.

– Это почему это? – возмутился Кузя. – А я как? Я ж тебе русским языком говорю – мне нужны деньги! Я ж киоск хочу поставить. С дисками. Или с цветами, я еще не придумал.

– Ну так вот ты определяйся пока, а мне и о себе позаботиться нужно. А то от голода загнешься, а никто и не отыщет в этой пыли.

Кузьма нехотя оторвался от кресла и появился в комнате уже с тряпкой в руках.

– Все порядочные люди обедают в ресторанах и ужинают там же, а мой же! Вот послал бог хозяина на мою голову...

– Я не могу обедать в ресторанах, ты знаешь... – постарался не раздражаться Соболь. – Мне надо есть и смотреть телевизор, потому что иначе я не успеваю даже увидеть спортивные новости! Мне даже газеты пролистать некогда!

Кузьма упрямо тер экран телевизора и, казалось, Эдварда просто не слышал. Но на последней фразе фыркнул:

– Конечно! А вот как только девица какая позвонит, так...

– Слушай! – вдруг вспомнил Соболев. – А мне эта художница не звонила? Обещала ведь... Где-то у меня был записан ее номерок...

Он нажал кнопки телефона, и на экранчике тут же высветились стройные ряды телефонов.

– Ага, вот этот кажется... – и он стал набирать номер Ксении.

Ксюша все же устроилась на курсы горничных, но где учат заваривать чай, так и не нашла. Да и на курсы сходила всего два раза, а потом забросила. Дело в том, что деньги за эти уроки брали сумасшедшие, а знаний не давали никаких. Тучная тетка только ходила между рядами и нудно гундосила:

– Для того чтобы вас не поперли в шею, вам надо понравиться нанимателям. А понравитесь вы только в том случае, если хорошо изучите психологию хозяина. Психология – это наука о...

– Простите, а если я буду замечательно выполнять свою работу? – отважилась спросить какая-то пухленькая смелая девушка с ямочками на щеках. – Если я буду стараться?

Тучная тетка смирila ее насмешливым взглядом и проронила:

– Да вы хоть расстарайтесь! С вашим возрастом вы и во все никуда не устроитесь! Вот когда у вас вместо ямочек бу-

дут морщины – вы станете идеальной! Какой жене вы можете понравиться? Вы ж – ходячая головная боль! Хорошая горничная – это дама, которой за сорок!... Итак! Продолжаем изучать психологию! А дальше у нас еще анатомия, география, пение и физкультура!

Понятное дело, из такого института Ксения сбежала на втором же занятии – а ну как станут препарировать лягушек!

Аленка тоже такое обучение не одобрила.

– Лучше возле телевизора сиди, больше толку будет, – качнула она головой и тяжело вздохнула. – Ну когда же уже этот дождь пойдет?

А на небе уже вторую неделю не было ни тучки.

Но они и не понадобились.

Ксюша ваяла очередной шедевр – рисовала свекровь квартирной хозяйки, когда раздался звонок. Аленка уже сладко похрапывала в соседней комнате, и никакие звонки на свете ее не смогли бы разбудить.

– Да? – приглушенно ответила Ксения, боявшаяся, что это сестра. Та трезвонила на мобильник каждый вечер и жаловалась на судьбу часами.

– Алло, – раздался в трубке приятный мужской голос. – Это... Ксения?

– Д-да... а кто это? – не сразу сообразила Ксюша, а когда поняла, голос ее сразу сел.

– Это Соболев. Ну что там у нас с картиной? Я видел – вы ее убрали, а мне дарить не собираетесь?

– Я? Кх... я собираюсь... только вот дождь... и у меня тут... дела у меня были, все никак не могла... – что-то бессвязное засипела в трубку Ксения.

– А вы не могли бы ко мне завтра заскочить? Или я сам заеду, только скажите – куда.

Девушка замахала руками и затрещала уже более уверенно:

– Что вы! Как это вы сами! Я вам сама привезу! Я прямо с утра и...

– С утра меня не будет. Давайте в девять вечера, это не поздно? Раньше у меня вряд ли получится.

– Ну да! В девять. Я и сама... мне и самой так удобнее будет, – закивала Ксюша. – Завтра буду.

– Ну и хорошо, буду ждать.

И отключился. Ни тебе до свидания, ни тебе прощай.

– И какие мне еще «до свидания», сказал же – завтра будет ждать... – медленно проговорила Ксения и вдруг подпрыгнула козой. – Уй-й-й-й! Надо срочно придумать, что надеть! Да! И чай! Обязательно надо вспомнить, как его правильно-то... Ага! А что надеть?.. Нет, что ни говори, а эти свидания всегда такие неожиданные!

Глава 2

Сдувая пылинки...

На следующий день Соболя опять закрутили дела. Уже около десяти вечера он забежал к Лешке Шурину и выставил на стол баночки с пивом.

– Все, Леша! Устал, как черт, не могу больше.

– Да ну, – разулыбался друг. – Я на дню себе то же самое по двадцать раз говорю – а потом приглядишься, а чего говорить, все равно никто не слышит, ну и давай дальше пахать.

Шурин только что закончил работать в проекте, транслировавшемся по Первому каналу, и до сих пор еще не мог отойти, а уже маячили новые дела.

– Ани опять дома нет? – спросил Соболев. – Вы с Машкой вдвоем?

– Ну да, – кивнул Леша. – Аня звонила, устает страшно... эти разъезды, скорее бы приехала. Машка вон тоже – уже десять, а я за ней только собираюсь ехать. Тоже, понимаешь ли, тренировки. А ведь девчужке и десяти нет. Все в заботах, в работе – совсем дома не появляемся, не жизнь, а какой-то велотрек – все несутся, летят куда-то! Представляешь, тут вчера захожу домой, бухаюсь на кровать и слышу мужской посторонний голос: «Сухариков дать? Или орешками обойдешься?» Я думал, с ума схожу. Оглянулся – никого! А голос

опять: «И что ж ты, паразит, от такой еды морду воротишь?» Думал – все! До свидания, крыша! Поднялся, вышел в комнату... оказалось, это попугай! Но самое интересное – этого попугая Машке полгода назад на день рождения подарили. А я как-то и не заметил, представляешь?!

Соболь представлял. У него у самого была собака, которую пришлось временно переправить к маме – скучал пес в одиночестве месяцами. Да и сейчас, мама говорит, скучает. Взять бы его домой, так Кузя этот...

– Чистенько у тебя как... а мой лодырь! – вздохнул он, оглядывая просторное жилище Шурина. – Телефон своей домработницы не дашь? Ну просто измучился с Кузькой!

– Так этим у нас Аня занимается. А ей сейчас не до того, – потягивал пиво Шурин. – Вот она скоро приедет... Знаешь, чего больше всего хочу? Чтобы вот так собраться вместе – Аня, Машка, я... Картина маслом, да?

– Ну да... Точно же!! – вдруг подскочил Соболь. – Картина! Леш, представь – меня тут одна девица на портрете изобразила! Сейчас принести должна, а я закрутился совсем! Все! Пока! Побегу!

– Ох и ни фиги себе! Прямо портрет!! Ты ей скажи, чтобы и нас тоже – в красках, а? – со смехом провожал друга Леша. – Ладно, беги...

Эдвард открыл двери своим ключом, вошел и сразу сообщил – что-то не то. Вроде все на месте, а не так как-то... И

лишь в гостинной понял. Понял от того, что по краям зеркала, которое здесь висело во всю стену, стояли белые вазы с хризантемами. Черт! Как когда-то у него в доме... И вообще – все сверкало чистотой, это он еще в прихожей почувствовал.

– Эй! – тихо позвал он. – Кузя! Ты чего это расстарался?

Но Кузи видно не было. Зато на диванчике кухни спала прямо за столом... сразу и не разглядишь, кто там спит. Наверняка Кузька нанял новую домработницу.

Девушка, заслышав посторонний звук, подняла со стола голову, и Соболь ее узнал.

– Ксения, правильно я понимаю? – удивился он.

– Ну да... Ксения. Художница. Была, – сонно проговорила она. – Я вам тут принесла портрет, а ваш этот... как его..., ну, в общем, он меня оставил и сказал, чтоб я вас дождалась, а сам куда-то ушел. Просил передать, что его сегодня не будет.

– Понятно... а кто все в комнате убрал?

– Ну так я ж и убрала, – пояснила девушка. – Я ж говорю – пришла художницей, а превратилась в какую-то Золушку, тут у вас такая грязь была... А чего – не надо было?

Соболь смущенно почесал переносицу:

– Да надо бы, но... слушай! – вдруг повел он носом. – А у нас что – борщом пахнет?

– Ну да... еще и котлетами, – смущенно кивнула Ксения. – Ваш Кузя сказал, что вы придете злой, потому что голодный, ну я и... там у вас полный холодильник, а ничего сготовленного нет, ну я и... Правда, я не умею всякие тирамису гото-

вить и гаспаччо, но котлеты...

– Да что ж ты болтливая такая! – нетерпеливо поморщился Соболев. – Наварила борщей всяких, а сама спать улеглась! Наливай давай! А тирамису... черт его знает, я как-то не слишком его... но ничего, научишься.

Или Соболев и в самом деле был голодный, или давно не ел ничего домашнего, но умял все с аппетитом, а после заметно повеселел и даже стал лукаво косить глазом.

– Ксюш, а ты где остановилась?

– Ну... мы остановились... а зачем вам? – прищурилась Ксюша.

– А затем! – тоже хитро прищурился Соболев. – Здесь в Москве квартиры знаешь какие дорогие!

– Знаю! Столько денег уже убили на эту квартиру, а дело никак не сдвинется... ну, в общем, не важно, – опомнилась Ксения и пытливо уставилась на Соболева. – А чего это вы спросили?

– Да я думаю... Ты же еще долго в Москве жить собираешься, так ведь? Да долго, по тебе вижу. Ты ж еще не покорила столицу. Так вот... у меня есть чудное предложение – давай ты будешь у меня жить, а...

– На что это вы намекаете! – оскорбленно воскликнула Ксюша и немедленно покраснела до корней волос.

– Уй ты господи, боже мой! – с откровенной насмешкой всплеснул руками Эдвард. – И как же это мы за себя испугались-то, мамочки родные! Паразит Соболев на честь девичью

покусился! Гад!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.